

Гендерные аспекты социального государства

Опыт социального развития России

Михаил Меланьин

Российская Федерация в 1993 г. в ст. 7 Основного закона поставила перед собой четкую цель строительства социального государства*, одной из ключевых задач которого является смягчение социального неравенства в различных его проявлениях, в том числе нивелирование гендерного неравенства.

Призывы к гендерному равенству в России часто воспринимаются как угроза отечественным традициям. В России гендер ассоциируется с чем-то чуждым, западным, угрожающим национальным устоям.

При этом отмечается, что, «с одной стороны, в обществе происходит нарастание «патриархальных» настроений, стремления «вернуть женщину в семью», а с другой – обостряется проблема женской и детской бедности, отсутствие доходов для нормального существования семьи. В результате многие женщины на практике лишены выбора, вынуждены поневоле брать на себя двойную нагрузку либо ограничивать себя во всем ради детей»¹.

Таким образом, перед отечественным государством и обществом остро встает проблема выработки эффективной социально-экономической и демографической политики, напрямую связанной с преодолением целого ряда гендерных проблем.

МЕЛАНЬИН Михаил Игоревич – аспирант Московского государственного областного университета. *E-mail:* melanyinmichail@gmail.com

Ключевые слова: социальное государство, гендер, феминизм, социальное неравенство.

* Термины «социальное государство» и «государство благосостояния» используются в настоящей статье как синонимы.

Для отечественного государства актуальна гендерная повестка дня, так как социальное государство не справляется с удовлетворением специфических женских потребностей. Отсутствуют гарантии адекватного независимого дохода женщин. Статистические данные иллюстрируют феминизацию бедности в обществе^{2, 3}.

Труд женщин традиционно считается менее квалифицированным и, как следствие, низкооплачиваемым, несмотря на уровень образования, которое у женщин выше, чем у мужчин, однако количество женщин, занимающих руководящие должности и выполняющих высококвалифицированную работу, значительно меньше, относительно мужчин³. При этом средняя начисленная заработная плата у женщин значительно ниже^{4, 5}.

Эффективность социальной поддержки материнства низка, система общественного ухода за детьми, престарелыми и больными развита слабо. В попытке решить эти проблемы женщины зачастую надолго выпадают из сферы оплачиваемой занятости либо отказываются иметь детей, сражаются с бюрократией за надлежащее исполнение взятых социальным государством на себя обязательств.

Чем больше женщина имеет детей в возрасте до 18 лет, тем выше вероятность того, что она не будет иметь возможности трудоустройства⁶. Кроме того, наличие детей и старых родителей ставит перед женщинами большие финансовые проблемы и наносит серьезный ущерб профессиональной карьере.

Мужчины составляют большинство (до некоторого времени – абсолютное) политиков, государственных служащих, лиц, лоббирующих интересы различных социальных и профессиональных групп, деловых и политических элит. Это иллюстрирует состав депутатов Федерального Собрания РФ, где женщины представляют абсолютное меньшинство депутатов.

Женщины в России являются объектом социальной политики, а не

ее создателями. В общественном сознании данные проблемы пока не соотносятся с социальными проблемами, а отечественные политики не видят в них повода для вмешательства социального государства. Однако потенциал и трудоемкость гендерных проблем очевидны уже сегодня и их оперативное решение, не доводя ситуацию до острого социального конфликта, будет залогом успешного дальнейшего развития социального государства в стране.

Гендерные проблемы не новы для современного мира. Обострившись в последней трети XX в., они вызвали стремительный рост феминизма, который, в свою очередь, стимулировал своевременный ответ целого ряда развитых западных социальных государств на возникшие сложности.

Традиционные исследования послевоенного роста социального государства были сконцентрированы на его достижениях, повлиявших на жизнь среднего рабочего, мужчины и кормильца семьи. Эти исследования стимулировали политические дебаты 50-х – 60-х годов относительно изменяющегося характера классовых отношений, а также уничтожения классового деления и неравенства в развитых демократических странах. Однако несмотря на становление в общественном сознании феномена социального государства, на первый план вышла трансцендентная проблема неравенства полов. Критики феминизма, как правило, игнорируют роль отношений между полами в формировании социальной политики и пренебрегают спецификой направленности соци-

альной политики в большей степени на мужчин. Они апеллируют к тому, что со времени индустриальной революции среднестатистический рабочий – это мужчина и в обществе традиционно господствует такая модель семьи, в которой мужчина является кормильцем. Однако данные экономической активности женщин, в том числе и в России, опровергают подобную точку зрения.

Термин «гендер» был заимствован из лингвистики и введен в гуманитарные науки психологом Джоном Мани, впоследствии став важнейшим понятием в анализе отношений между полами^{6, 7}.

В отечественном словаре гендерных терминов это понятие определяется как «совокупность социальных и культурных норм, смыслов и ожиданий, которые общество предписывает индивидам в зависимости от их пола.

Гендер – один из способов социальной стратификации, влияющих на социальное положение женщин и мужчин, на доступ к ресурсам, на их жизненные стратегии и практики⁸.

При этом важно отметить, что многие не связанные с полом феномены, такие как природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное, духовное и телесное, «через определенный культурно-символический ряд отождествляются с «мужским» и «женским» таким образом, что внутри этих пар понятий создается своеобразная иерархия⁹.

Гендер – формируемое обществом определение женщин и мужчин. Это социальный проект биологического пола, определяющий содержание задач, функций и ролей, приписанных женщинам и мужчинам в обществе, как в публичной, так и в частной жизни, это культурное определение женственности и мужественности, изменяющееся во времени и пространстве.

К. Уэст и Д. Зиммерман отмечали, что гендер является результатом определенного рода действия в процессе социального взаимодействия, где каждый создает собственную гендерную принадлежность и так же прочитывает гендерную принадлежность другого человека¹⁰.

Гендер воспроизводится как на социальном, так и на индивидуальном уровнях. При этом оба уровня одинаково важны. Каждый человек в течение своей жизни формирует гендерные роли и нормы, и посредством своей деятельности воспроизводит их, ориентируясь на свои ожидания или ожидания общества. В последнее время растет понимание того, что гендер должен рассматриваться также на политическом и институциональном уровнях.

Понимая гендер как «конструируемое обществом определение женщин и мужчин»¹¹, важно учитывать, что это «строительство» включает в себя неравные отношения между доминированием мужчин и подчинением женщин в подавляющем большинстве сфер жизни. Задачи, роли, функции и ценности, предписанные мужчинам, оцениваются во многих аспектах выше, чем у женщин. Сегодня приходит понимание того, что общество характеризуется предвзятостью в отношении мужчин, где мужская норма взята в качестве нормы для всего общества в целом, что находит свое отражение, разумеется, и в политике. Исследователи говорят об андроцентризме – глобальной тенденции строить мир, рассчитанный на мужскую норму¹². «Маркировка социальных феноменов через присваивание и называние их “мужскими” или “женскими” выстраивает иерархические отношения, где все

маркируемое как “женское” репрезентируется как незначимое, маргинальное, не заслуживающее внимания, и в конце концов невидимое, а “мужское” – репрезентируется как ценностно-значимое и основное»⁷.

Большая часть классических исследований социального государства не обращалась к гендеру и, возможно, не находила гендерных проблем при развитии социального государства. Вероятно, что разделение благосостояния по гендерному признаку считалось само собой разумеющимся.

Труды представителей феминистского направления общественной мысли страдают прямолинейностью и тенденциозностью, но их исследования полезны для анализа различных аспектов социального неравенства. «Гендерный подход в социальной политике направлен на выявление, критику и устранение механизмов воздействия социальных программ и политических действий, усугубляющих или воспроизводящих гендерное неравенство»¹³.

Зачастую гендерный подход представляет государство благосостояния не только как продукт капитализма, но и в дополнение патриархата. Исследователи стремятся проанализировать роль государства в установлении и поддержании систем, в которых женщины, как правило, подавлены и подчинены мужчинам. Авторы данных исследований

утверждают, что государство играет ключевую роль в притеснении женщин, осуществляя поддержку таких форм домохозяйств, где мужчина зарабатывает деньги, а женщина занимается домашним обслуживанием членов семьи¹⁴.

Исследователи феминистской направленности ставят важные вопросы, например, как социальное государство воспроизводит, изменяет и преобразовывает отношения между полами, а также, используя формулировку Хельги Хернс, может ли социальное государство быть «дружественно по отношению к женщинам»?¹⁵ Впоследствии этот термин стал использоваться для характеристики государств, которые стремятся к ликвидации всех форм и последствий гендерной дискриминации. В литературе это понятие используется как индикатор, тестирующий социальную политику государств по двум направлениям. Первое из них – это наличие специальных социальных программ по дефамилизации**, проявляющейся, в частности, в развитии сети дошкольных учреждений, системы пособий, индивидуальных пенсий и т.д. Вторым направлением является степень вовлечённости женщин в сферу принятия политических решений¹³.

Ранние феминистские исследования показывали, как государство благосостояния институционально воспроизводит патриархат в различных общественных областях^{15, 16}. Тем

---

* *Woman-friendly policies* – англ.

** Дефамилизация – процесс создания таких условий для женщин, в которых они смогут поддерживать свой статус и приемлемый стандарт жизни вне зависимости от наличия семьи и внутрисемейных отношений. Это статус, поддерживающийся либо через оплачиваемую работу, либо через систему социального обеспечения.

не менее с социальным государством были связаны и определенные надежды, к примеру, Х.Хернс видела потенциал скандинавских демократий в становлении общества, благоприятно относящегося к женщинам. Исследователь отмечала, что при необходимых исторических условиях представляется возможным реальность «государственного феминизма». Приобретая все больше гражданских прав и участвуя в политике, женщины могут рассчитывать на то, что государство постепенно начнет ставить перед собой феминистские цели, давая женщинам возможность стать важными и активными партнерами в делах, затрагивающих фундаментальные ценности и льготы.

Более резкий взгляд на социальное государство, показывает С.Уолби, называя его «публичной патриархией». Автор доказывает, что женщины становятся зависимыми от государства и просто меняют отношения подчинения с конкретными мужчинами в рамках домохозяйства на такие же отношения, но уже с государственными бюрократами. С.Уолби отмечала, что такая типично «женская» работа, как приготовление пищи, уборка, уход за детьми и пр. превратилась в предмет потребления. Несмотря на то что подобная работа регулируется государством, она выполняется преимущественно женщинами и, как правило, низкооплачиваема, т.е. женщины поставлены перед выбором, так как относительные преимущества одного вида зависимости перед другим определяются только конкретными формами контроля и уровнем надзора.

В США все измерения власти – законодательное, экономическое,

бюрократическое, военное/привилегированное – так или иначе, направлены на то, чтобы поддерживать привилегированное положение мужчин¹⁷. Государство, по мнению В.Браун, лишает женщин власти и ставит тем самым в опасную систему зависимости. Поэтому феминистские движения только в крайних случаях должны прибегать к помощи со стороны государства, так как попытки такого рода лишь усиливают мужской контроль, как над женщинами так и над всем государством.

Многие феминистские исследования сосредоточились на роли женских организаций в социальной политике государства. Отмечается значительная роль женского участия при формировании позитивных социально-политических программ, способствующих формированию различных аспектов социального государства. Женское движение, будучи активным во всей Европе с XIX в., оказало сильное влияние на социальную политику в отношении семьи и материнства, в частности, стимулировало введение пособий матерям, пособий многодетным семьям и т. п.

Доминирование женщин среди потребителей социальных услуг и пособий является актуальной проблемой и в современной России. В источниках средств к существованию пособия для женщин играют важную составляющую дохода¹⁸.

Чрезвычайно важной проблемой является отношение к женщинам лишь как к потребителям соответствующих социальных услуг. Учреждения и организации социальной сферы способствуют распространению доминирующего патерналистского отношения к женщинам, ис-

ключающего взгляд на них как на равных партнеров. В результате отрицается их индивидуальность и всячески подчеркивается слабость, что косвенно приводит к пассивности и бездеятельности женщин. Такое отношение воспроизводится в обществе через систему образования: «история есть история мужских войн, литература представлена главным образом книгами, написанными мужчинами, в общественных науках в центре внимания положение мужчин в системе разделения труда, в результате «знания» подтверждают, что женщинам нет места в этом мире»¹⁹.

В обширной феминистской литературе по типологии государств благосостояния со временем были выработаны отдельные критерии и сравнительные параметры социального государства. Среди них обычно выделяют:

- относительную устойчивость в государстве идеала мужчины-добытчика или главного лица, обеспечивающего семью;

- показатели и формы женской занятости;

- основания, на которых строятся обращения к государству;

- способ регулирования имущественного неравенства и различий в доходах; зависимость и независимость женщин от государства и рынка²⁰.

Создатель классической типологии режимов благосостояния Г.Эспинг-Андерсен уделял особое внимание гендерным аспектам различных моделей социальной политики²¹. Он подчеркивал важность декоммодификации, за которой стоит сила социальных прав и степень иммуните-

та граждан к влиянию рыночных сил, а также дефамилизации социальных обязательств как средства для дальнейшего углубления равенства полов. Дефамилизация, согласно Г.Эспинг-Андерсену, предполагает не только покрытие расходов, вызванных провалами рыночной системы, но и выводит за пределы действия рыночных принципов услуги, необходимые для формирования и поддержания семьи.

В дальнейшем критерии социального государства, выделяемые по гендерному признаку, дорабатывались и совершенствовались. Современные авторы критикуют типологии социальных государств, основанные на степени фамелизации/дефамилизации, и предлагают новые критерии, актуализирующие феминистский дискурс, для сравнительных исследований. В частности, предлагается взять за основу типологии социальных государств такой критерий, как «дегендеризация», которая отражает эффективность политики, направленной на устранение гендерных ролей²².

На данный момент можно выделить три вектора, по которым условно расходятся исследования в изучении воздействия гендера на социальное государство.

Первое направление стремится включить гендерные проблемы в существующие теории социального государства.

Второе направление исследований стремится выделить типологии режимов благосостояния по гендерному признаку.

Третий вектор развивает критерии, по которым можно анализировать государства благосостояния с точки зрения гендера.

Гендерные аспекты теории социального государства подводят нас к вопросу о режиме благосостояния в России. Долгое время исследования исключали бывшие социалистические страны из своего анализа. У социалистических государств было сильно отличающееся историческое и экономическое развитие по сравнению с капиталистическими государствами. При этом в социалистических государствах проводилась обширная социальная политика, которая в некоторых случаях была столь же развитой, как и на Западе. После краха Советского Союза и Восточного блока возник вопрос о дальнейших путях развития, а также о возможности модернизации и использовании теории социального государства.

Ряд исследователей²³ придерживается мнения, что СССР можно и нужно включить в сравнительный анализ режимов благосостояния/моделей социальных государств. Как минимум можно смело утверждать о наличии в Советском Союзе развитой авторитарной модели социальной политики, характеризовавшейся главенствующей ролью государства в социальной сфере. Благодаря этой модели в советском государстве были сформированы некие стандарты повседневной жизни, ценности, которые оказывали влияние как на публичную, так и частную сферы жизни людей, конструируя нормативные представления о гендерном порядке, границах равенства и неравенства в отношениях между полами.

Трансформации социальной политики в постсоветский период привнесли серьезные эффекты за счет

либеральных реформ, снижения государственной ответственности и смены гендерных режимов¹. Либерализация курса, с одной стороны, приблизила Россию к западным образцам социальной государственности, но с другой – повлекла за собой ряд деструктивных процессов в обществе.

В период постсоветских реформ социальная сфера была исключена из приоритетного поля. Социальная политика была непоследовательной, так как ее объектами становилась то одна социальная группа, то другая. Вследствие резкого снижения качества жизни населения в России обострился социальный кризис, последствия которого полностью не ликвидированы до сегодняшнего времени, несмотря на корректировку курса реформ и определение социальной политики как приоритетного направления деятельности государства.

Многие негативные процессы в обществе происходили из-за невозможности перестройки советских граждан на новые неолиберальные ценности, утверждающие принципы свободы, но не утверждающие принципов равенства. Согласно теории зависимости от предшествовавшего пути развития*, это стало основной причиной последующего частичного воспроизведения элементов советского наследия, в частности, и в отношении гендера. По мнению В.Б.Пастухова, «истинный смысл слова «социалистический» в русском контексте – «патриархальный». Социальная система России продолжает строиться на патриархальных принципах. Россияне привыкли быть пас-

---

* *Path dependence theory* – англ.

сивными получателями социальных услуг, предоставляемых государством»²⁵. То же самое транслируется на гендерные отношения и ценности в постсоветской России.

Характеризуя современный отечественный режим благосостояния, стоит отметить, что он по многим показателям соответствует либе-

ральному режиму. В связи с чем важно учитывать, что социальное обеспечение в либеральных режимах благосостояния ослабляет механизмы сопротивления, создавая новые формы неравенства по признакам гендера, расы и этничности, дохода и места проживания, различий в статусах и пр.²⁶

Итак, перед Россией стоит сложная задача конструирования такой модели социального государства, при которой будут нивелированы различные проявления социального неравенства, в частности гендерного. Поэтому следует, в первую очередь, сформулировать четкую и ясную стратегию социальной политики, отвечающую специфике национальных проблем, а также подвергнуть серьезной корректировке социальное законодательство. Необходимо проведение социальной политики, обеспечивающей:

- предоставление мужчинам и женщинам возможности реального выбора между наемным оплачиваемым трудом и ведением домашнего хозяйства, а также создание условий для реализации совершенного выбора;
- институализирование базовых принципов равенства возможностей и объявление преступными различные попытки дискриминации по признаку пола;
- универсальный подход к созданию благоприятных условий для всех женщин, а не только для представительниц среднего и высшего класса или женщин, работающих на полную ставку, имеющих высшее образование и т. п.;
- дифференцированный подход к социальной политике, признающий и учитывающий отличия женщин от мужчин;
- признание и реализацию равного гражданства, рассматривающего женщин как полноправных граждан, а не в качестве отдельного социального слоя, обеспечивающего заботу о детях и нетрудоспособных, поддержку мужчин и дополнение рынка труда.

Основными механизмами успешной гендерной политики должны стать укрепление демократических институтов, институализирование форм гендерного мониторинга, контроля и управления во всех ветвях власти, введение государственной гендерной экспертизы социальных проектов, развитие гендерной статистики, значительное повышение уровня представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти.

Примечания

¹ Нечаева О.В. Гендерные проблемы России как социального государства: конституционно-правовое исследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2007. С. 5.

² Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России – 2012 г.: Уровень благосостояния, социальное обеспечение и социальная помощь // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm

³ Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России – 2011 г.: Затраты на рабочую силу, заработная плата работников // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_36/issWWW.exe/Stg/d2/08-33.htm

- ⁴ Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России – 2012 г.: Средняя заработная плата работников // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm
- ⁵ Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России – 2012 г.: Занятые в экономике // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm
- ⁶ Scott J.A. Gender: a useful category of historical analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1053–1075.
- ⁷ Рабжаева М.В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002. Т.м 5. № 2. С. 135–137, 138.
- ⁸ Словарь гендерных терминов / под ред. А.А.Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 20–24.
- ⁹ Воронина О., Клименкова Т. Гендер и культура // *Феминизм и гендерные исследования*. Хрестоматия / под ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999. С. 55.
- ¹⁰ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // *Хрестоматия феминистских текстов* / под ред. Е.Здравомысловой, А.Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 194.
- ¹¹ Council of Europe. Gender mainstreaming: conceptual framework, methodology and presentation of good practices. Strasbourg: Council of Europe, 1998. P. 7.
- ¹² Бем С. Трансформация дебатов о половом неравенстве // *Феминизм и гендерные исследования*. Хрестоматия / под ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999. С. 54.
- ¹³ Рабжаева М.В. Гендерные аспекты социальной политики: стратегии и уровни реализации. Летняя школа «Общество и гендер». Рязань, 2003 // URL: <http://www.gender-cent.ru/ryazan.ru/rabzhaeva.htm>
- ¹⁴ McIntosh M. The state and the oppression of women // *Feminism and materialism* / Edited by A. Kuhn, A. Wolpe. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 255.
- ¹⁵ Hernes H. Welfare state and woman power: essays in state feminism. Oslo: Norwegian University Press, 1987.
- ¹⁶ Walby S. *Theorizing patriarchy*. Oxford, UK: B. Blackwell, 1990.
- ¹⁷ Brown W. Finding the Man in the State // *Feminist Studies*. 1992. Vol. 18. № 1. P. 8–34.
- ¹⁸ Федеральная служба государственной статистики. Женщины и мужчины России – 2012 г. Уровень благосостояния, социальное обеспечение и социальная помощь // URL: http://www.gks.ru/bgd/reg/b12_50/Main.htm
- ¹⁹ Pascall G. *Social policy: a feminist analysis*. London: Tavistock, 1986. P. 131.
- ²⁰ Галл С., Клигмен Г. Формы государства, формы «семьи» // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 366–367.
- ²¹ Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.
- ²² Saxonberg S. From defamilialization to degenderization: toward a new welfare state // *Social Policy and Administration*. 2013. Vol. 47. № 1. P. 32.
- ²³ Aidukaite J. Old welfare state theories and new welfare regimes in Eastern Europe: challenges or implications? // *Communist and Post-Communist Studies*. 2009. Vol. 42. № 1. P. 23–39.
- ²⁴ Сидорина Т.Ю. Социальная политика в обществе вертикального контракта // *Мир России*. 2007. № 2. С. 107–126, 111.
- ²⁵ Пастухов В.В. Новый формат социальной политики в России // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6. С. 51.
- ²⁶ Wetherly P. Class struggle and the welfare state: some theoretical problems considered // *Critical Social Policy*. 1988. Vol. 8. № 22. P. 33.